

А.А.Щелчков

Российская революция и чилийское общественное мнение

В некоторых странах Латинской Америки, в частности в Чили, Октябрьская революция в России стала фактором внутренней политики, оказала огромное влияние и на социум, и на формирование политических партий. В Чили это влияние в исторической перспективе выразилось в появлении мощного социалистического и коммунистического движений. В данной статье на материалах прессы прослеживается изменение восприятия российской революции в чилийском обществе — от нейтрально-благожелательного практически всеми политическими группами до резкого размежевания по признаку принятия или непринятия советского исторического опыта и большевистских методов.

Ключевые слова: российская революция, Чили, социалисты, анархисты, Л.Э.Рекабаррен.

Октябрьская революция вызвала многочисленные отклики не только среди политических сил, партий и движений, связывавших свое будущее и доктрину с целями, провозглашенными российскими революционерами, но и в самых широких слоях латиноамериканской общественности. Были страны, где дискуссия о России стала элементом внутренней политики, занимала умы «думающей» части публики. К таким странам относится Чили, где события в далекой России привлекали гораздо большее внимание, нежели, казалось бы, куда более близкая по всем параметрам мексиканская революция, происходившая примерно в те же годы.

В книге «История XX века», явившейся своего рода итогом многолетней блестящей историографической работы, известный британский исследователь Эрик Хобсбаум отмечал центральное место русской революции для понимания не только ее непосредственных исторических последствий, но и всего хода всемирной истории и прошедшего, и текущего века. Он писал: «Всем казалось очевидным, что старый мир уже должен уйти в небытие. Старое общество, старая экономика, старые политические системы,

Андрей Аркадьевич Щелчков — доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН (sch2000@mail.ru).

как говорилось в Китае, «утратили мандат Неба»... Казалось, что нужен только один сигнал, чтобы народы поднялись и сменили капитализм на социализм, преобразовав невиданные страдания Первой мировой войны в позитивное событие рождения нового мира. Этот сигнал дала русская, а точнее большевистская революция октября 1917 г., которая стала ключевым событием мировой истории после французской революции 1789 г. ... Последствия Октябрьской революции были более глубинными и всеобщими, чем Французской, ее идеи продолжают жить и после исчезновения большевизма»¹. Этот исторический смысл и значение произошедшего сразу поняли все передовые люди во всех уголках мира.

В Чили первые новости о событиях в России, хотя и были неожиданными и интересовали общество, не вызвали общественного беспокойства. Первоначально сюда доходили очень скудные сведения, которые черпались из английской и французской прессы. Как отмечал политик демократической партии, синдикалист Хуан Праденс Муньос, «ежедневно союзники информируют нас о событиях в России так, как им надо»². Пока были неясны все социальные и политические последствия революции как для России, так и для военной ситуации в Европе, чилийские политики — как слева, так и справа — придерживались нейтральной позиции сторонних наблюдателей.

Чилийский консервативный историк Марио Гонгора отмечал: «Когда в 1917 г. победила русская революция, даже те, кто не был социалистом или коммунистом, верили в ее освободительную функцию»³. С радикализацией ситуации в России, ростом влияния социалистов и Советов, появление такого пока еще непонятого явления, как «максималисты» (большевики) вызвало первое размежевание в общественном мнении: правые издания заняли более критическую позицию в отношении «русских событий». Однако этот водораздел возник отнюдь не в октябре и не под влиянием антибольшевистских публикаций западноевропейской прессы, которую перепечатывали такие издания, как «El Mercurio», «La Unión» или консервативная газета «El Diario Ilustrado», а после появления чилийских сторонников «максималистского» поворота в русской революции как среди синдикалистов и анархистов, так и в первую очередь среди становившейся все более влиятельной Социалистической рабочей партии (Partido Obrero Socialista, POS) Луиса Эмилио Рекабаррена.

Влиятельные анархистские издания первоначально с энтузиазмом приветствовали революцию в России. В первое время чилийские анархисты не были оригинальны в оценке ее причин: Первая мировая война породила это революционное движение в самой автократической стране Европы. Революция же была пролетарским ответом на войну⁴.

Анархистская пресса отмечала: «Как искры света, сыплющего молниями, как прибой разбушевавшегося моря, вступающего в битву со скалами, победоносная революция распространяется по европейскому континенту... ленины и троцкие, либкнехты и розы люксембург, число которых увеличивается каждый день в различных восставших народах, это — величественная и благородная революция, несущая с собой счастье любви и справедливости для всех людей без различия классов и религиозных верований... Это — социальная революция, которую предрекали Кропоткин, Грав и Малатеста»⁵. Перед лицом восторга социалистов от русской революции анархисты предупреждали, что они «выступают против любого правительства и го-

сударства, будь то автократия или коллективистское государство, которое проповедуют социалисты ... будь то США или Россия»⁶.

Анархистские издания публиковали письма Петра Алексеевича Кропоткина в поддержку русской революции с описаниями страданий горожан и крестьян от голода и гражданской войны с контрреволюционными генералами, с призывами как к союзникам, так и к пролетариату о помощи в строительстве новой жизни⁷. Анархисты в Чили, хотя и не считали дело большевиков своим делом, не отказывали им в поддержке в противостоянии капитализму. Их газета «Verba Roja» писала: «В России дело освобождения находится в руках коммунистов, и это неизбежно, так как ставит во главу угла экономическое освобождение и разрушение капитализма. Безусловно, Россия пока еще далека от полной победы дела освобождения, но российские революционеры и рабочие открыто борются с капитализмом»⁸.

Однако с победой большевиков и их разрывом с союзниками-анархистами, которые подверглись репрессиям, иссяк и энтузиазм анархистской прессы. Хотя даже в 1921 г. встречались позитивные отклики на антиклерикальную борьбу советской власти, приветствовались планы просвещения, но в политическом смысле действия большевиков характеризовались не иначе как предательство революции и ее первоначальных идеалов и самой системы Советов, которая рассматривалась как первый пример реализации анархистских идеалов общественного устройства⁹.

Часть анархистов, как и в соседней Аргентине, одобрила диктатуру пролетариата и методы революции в России как неизбежный этап в период борьбы с буржуазией и привилегированными классами. В Аргентине эти анархисты сформировали движение анархо-большевиков, многие из которых позднее влились в коммунистическую партию¹⁰. В Чили среди анархистов наблюдались похожие настроения, хотя сначала такого размежевания, как в соседней стране, не было. Они с некоторыми оговорками соглашались принимать диктатуру пролетариата: «Мы, анархисты, являемся врагами любой диктатуры, и сейчас многие воздерживаются от того, чтобы высказывать симпатии диктатуре пролетариата в России, предпочитая более гуманное развитие общества. Однако хотим мы того или нет, мы вынуждены смириться с тем, что неизбежно. Диктатура пролетариата сводится к чисто материальным вопросам, вынуждена заниматься тем, что беспокоит желудок пролетария»¹¹. Камнем преткновения для многих была интерпретация самого понятия «диктатуры пролетариата», так как анархисты быстро увидели в российском опыте диктатуру одной партии, а не пролетариата как такового.

Российская революция произвела большое впечатление на молодых анархистов, таких, как поэт студент Хосе Доминго Гомес Рохас, погибший в тюрьме в возрасте 24 лет в 1920 г. В студенческой среде радикальные перемены в России вызвали большие симпатии. Существовавшая с 1907 г. Студенческая федерация (Federación Estudiantil de Chile, FECH) объединяла в своих рядах неконформистскую молодежь, среди которой популярными были идеи социальной справедливости, антиклерикализма и антиолигархической борьбы. Большой ажиотаж среди студенчества вызвали не только российские события, но и успехи движения за университетскую реформу в соседней Аргентине. Причем оба этих события часто рассматривались в связке как предвестники новой эпохи освобождения и свободомыслия. Один из студенческих лидеров той эпохи писал: «Для нас эксперимент в

России представляет значительный интерес, поскольку в его ходе были обобществлены или была сделана попытка обобществить все средства производства»¹².

Все эти события вели к кризису внутри университетского сообщества, испытывавшего давление в направлении большей демократизации и расширения возможностей доступа к высшему образованию народных слоев. Под этим влиянием в 1918 г. был создан Народный университет Ластаррия¹³. Такие же народные или рабочие университеты тогда появлялись в соседних странах (Перу, Боливия, Аргентина). В центре внимания студенчества была именно программа просвещения, выдвинутая большевиками.

В Европе писатели Анатолий Франс, Ромен Роллан и Анри Барбюс, к которым присоединились латиноамериканские интеллектуалы (среди них выделялся кумир латиноамериканской молодежи Хосе Инхеньерос), призвали создать Интернационал интеллигенции на основе группы поддержки русской революции «Clarté» («Claridad»). Идея союза прогрессивной интеллигенции, объединенной идеями гуманизма, пацифизма, антивоенной борьбы, интернационализма и солидарности с Советской Россией, привлекала значительно больше латиноамериканских интеллектуалов, нежели пропаганда классовой борьбы и гражданской войны¹⁴. В Чили даже анархистские газеты перепечатали манифест этой группы¹⁵.

В статье для журнала «Cuasimodo» Х.Инхеньерос писал: «А.Франс, А.Барбюс, Р.Роллан возглавили смелую группу «Claridad», которая указала миру новый путь для всей интеллигенции. И этот путь, прежде всего, в верности идеалам Французской революции, солидарности с Советской Россией»¹⁶. Результатом работы этого Интернационала интеллигенции должна была стать всемирная духовная революция, начало которой было положено в нашей стране.

В Аргентине и Бразилии возникли своего рода филиалы группы «Claridad». В этих объединениях предпочитали говорить о значении Интернационала интеллигенции во всемирном масштабе, провозглашавшего принципы солидарности, социального равенства и справедливости. В Чили эту инициативу подхватила FECH, которая с 1920 г. стала издавать газету «Claridad». Основателями газеты были писатели, поэты и публицисты Рауль Сильва Кастро, Рафаэль Йепес, Альберто Рохас Хименес.

Писатель Рохас Хименес стал русофилом не только под воздействием русской литературы, но и революционных событий в России. Во время пребывания в Париже он сблизился с латиноамериканцами и европейцами из группы «Claridad» и близких им сообществ. Симпатиями к левым, к социалистам и революционерам пронизаны его репортажи из Европы¹⁷.

На страницах чилийской «Claridad» печатались материалы, полные одобрения процессов, проходивших в революционной России, с призывами к солидарности и справедливости в отношении пролетариата, социализации средств производства и повторения русского опыта в мировом масштабе. Для FECH с окончанием Первой мировой войны и победой революции в России наступила новая эпоха, в которой должны были сочетаться пацифизм, социальная справедливость и в таких странах, как Чили, — борьба с «заскорузлой олигархией»¹⁸. Среди авторов статей в «Claridad» был один из будущих видных интеллектуалов и основателей чилийского троцкизма Хорхе Неут Латоур¹⁹. Однако «медовый месяц» с большевиками длился недолго, в FECH стали преобладать антикоммунистические на-

строения, а студенчество раскололось на тех, кто пошел за коммунистами, и на сторонников традиционных партий.

Просоциалистические группы студентов создавали самостоятельные организации, в частности, «Университетскую группу LUX» в Сантьяго, декларировавшую приверженность социализму и симпатии к советской России. Члены группы заявляли, что «сегодня именно Москва является образцом настоящего и самого чистого социализма»²⁰. Леворадикальные студенты создавали «Рабочие и студенческие комитеты», целью которых была мобилизация пролетариата под лозунгом: «Трудящиеся Чили, как и всех стран мира, должны взять пример с товарищей из свободной России и установить у себя диктатуру пролетариата»²¹.

Луис Эмилио Рекабаррен

Революционные события вызвали большой интерес к русским иммигрантам в Чили. Среди них выделялся бывший народоволец Борис Оржих, бежавший с каторги в Сибири и прибывший в страну через Японию²². На страницах популярного журнала «Sucesos» (г. Вальпараисо) Б.Оржих рассказывал об истории освободительного движения в России, о личном опыте и о надеждах на революцию²³. Как анонсировал тот же журнал, Оржих с большим успехом и при стечении масс публики читал лекции в городском театре Вальпараисо на темы русской революции, в частности, о роли женщин и женского вопроса.

В 1917 г. выдающийся чилийский политик, интеллектуал-самоучка, лидер POS Л.Э.Рекабаррен находился в Аргентине. Он оказался в эпицентре дискуссий о России и ее революции, каким был тогда Буэнос-Айрес. Для Рекабаррена «повивальной бабкой» революции стала война, которая привела к свержению монархий, открыла новые горизонты к социализму как к самой «просвещенной форме цивилизации»²⁴.

В самом Чили социалисты первоначально рассматривали революцию в России как следствие безумной Первой мировой войны. Еще до первых известий о свержении царизма социалисты говорили о главной задаче Интернационала — положить конец войне²⁵. Чилийские социалисты, вслед за русскими большевиками и европейскими циммервальдистами*, возлагали

* Циммервальдисты — участники Циммервальдской международной конференции левых социалистов, прошедшей 5—8 сентября 1915 г. в одноименной швейцарской деревне. Россию представляли делегаты от большевиков, меньшевиков и эсеров. На конференции была образована постоянная интернациональная социалистическая комиссия с временным секретариатом в Берне. Впоследствии к Циммервальдскому союзу присоединилось более двадцати партий и партийных меньшинств; объединение просуществовало вплоть до I Конгресса Коминтерна (в 1919 г.), на котором объявило о самороспуске. — *Прим. ред.*

большую ответственность за продолжение братоубийственной войны на европейских лидеров социал-демократии, призывая их брать пример с российского пролетариата, требующего немедленного мира без аннексий и контрибуций²⁶. Как писал в газете «La Aurora» (г. Тальталь) социалист Карлос Вильялобос Домингес, война приготовила мир к победе социализма: «Эгалитарная идея завоевала всех людей в течение этих тяжелых, запутанных трех лет войны, которая уравнила в страданиях все классы общества»²⁷. Чилийские социалисты до победы большевизма чаще говорили о единении всех классов в будущем социалистическом братстве, а не об острой классовой борьбе.

Первые же известия об Октябрьской революции в России были для социалистов сверхнеожиданными. В будущем лидер компартии, а тогда член POS Элиас Лаферте вспоминал в своих мемуарах: «Чилийские трудящиеся, в том числе социалисты, еще не представляли себе ясной исторической перспективы и не располагали достаточной информацией, чтобы оценить те гигантские преобразования, которые начинали совершаться в этой необъятной стране, где коммунисты взяли власть в свои руки и приступили к строительству социализма»²⁸.

Однако уже в первых же отзывах в газетах социалистов отмечалась особенность революции, направленной не только против войны, но и против всего капиталистического строя, против паразитических классов: «Сейчас уже ясно стремление русского народа не останавливаться на свержении самодержавия, а идти по пути социалистических завоеваний»²⁹. Всем, даже в далекой Чили, был ясен, прежде всего, социальный характер русской революции, где главным действующим лицом стали рабочие и крестьяне. Газета социалистической Рабочей федерации (Federación Obrera de Chile, FOCH) «¡Adelante!» (г. Талькауано), которую возглавлял известный политик, член демократической партии Хуан Праденс Муньес, заключала: «Это — конец старого режима! Его эффект почувствуют за морями и океанами, этот клич свободы пробудит уснувшие сердца и души людей. Восход свободы грядет с востока!»³⁰.

Запутанная ситуация в России в течение 1917 г. вынуждала многих занять выжидательную позицию. Даже социалисты почти до самого конца года практически ничего не публиковали о российской революции. Единственная тема, к которой они обращались, была проблема войны и мира и отношение к ней рабочих и социалистов. Чилийская POS призывала все народы по примеру России сбросить своих империалистов и тем самым завершить войну, но была против сепаратного мира³¹.

После прихода к власти большевиков и первых деклараций советского правительства социалисты заняли вполне определенные позиции и поддержали их: «Те изменения, которые происходят в России, являются доказательством способности пролетариата создать новую общественную систему. Безусловно, победа Ленина над Керенским — эта победа народа над буржуазией, это — победа пролетариата и поражение защитников собственности и владельцев фабрик. Ясно, что русская революция несет новую систему, разрушающую старый порядок и ведущую к тотальной общественной трансформации»³². После захвата власти большевиками русская тема стала самой обсуждаемой из всех международных в социалистических и демократических газетах, что резко отличало социалистов от других политических сил Чили³³.

Революция в России стала популярной темой не только в газетах, но и в сценических представлениях, слагались куплеты и песни о «Свободной

России», исполняемые на общих собраниях или на благотворительных вечерах в пользу социалистов и их прессы в театрах³⁴. Популярность русских революционеров была столь велика, что многие даже называли своих детей именами, связанными с лидерами революции. Есть интересное исследование регистраций новорожденных в Сантьяго, которое показало, что только в первые годы революции 85 человек назвали своих детей обоего пола именами, содержащими слова Владимир, Ильич, Ленин, в разных сочетаниях (были также имена Троцкого, Крупской и других). Самым забавным был случай с неким младенцем, зарегистрированным в конце 1918 г. под именем Ленин Керенский Идальго. Любопытно, что в 1921 г. отец перерегистрировал имя сына на Ленин Троцкий Идальго³⁵. Здесь заметно то влияние, которое оказала русская революция на повседневную жизнь чилийцев.

В серии работ, опубликованных в начале 1918 г. (написаны в конце 1917 г.), Рекабаррен без всяких колебаний встал на сторону не только русской революции в целом, но и на сторону большевиков. В первой своей статье для газеты «Adelante» он писал: «Программа большевиков вызвала ужас во всем капиталистическом мире, ибо в ней говорилось о немедленном заключении мира, об отмене частной собственности и передаче всей земли во всеобщее пользование»³⁶. Рекабаррен представлял точку зрения POS, осуждавшей Первую мировую войну и социал-оборонцев II Интернационала. Партия поддерживала циммервальдистов в вопросе немедленного заключения мира³⁷.

Рекабаррен, как и другие сторонники русской революции, сравнивал ее с французской. Он писал: «Максималистский режим в России существует очень мало времени, но за столь краткий срок он произвел свершения, на которые потребовался бы целый век. Франция за 130 лет после своей революции не прошла такого по значению пути, как русская... Мечта, утопия, о которой говорили социалисты, считавшиеся сумасшедшими, сегодня становится не только реальностью, но и источником счастья всего человечества, что вызывает страх капиталистов в России и во всем мире»³⁸.

Рекабаррен был убежден, что революция и война тесно связаны, что мир служит интересам большевиков, рабочего класса и социализма в целом, и империалистические державы не поддержат предложения немедленного примирения. А дело русского рабочего класса — это дело рабочих всего мира. Он поддерживал лозунг мира без военной победы, что стало бы предпосылкой подъема рабочего движения и его победы во всех европейских странах, уставших от бессмысленной войны. Такой конец Первой мировой войны сделал бы впредь невозможным милитаризм и новые войны вообще³⁹. Рекабаррен поддержал призыв Троцкого к миру, ибо также видел в нем возможность всемирного восстания пролетариата против буржуазной демократии⁴⁰.

Рекабаррен не был одинок в своей партии, вся POS с энтузиазмом поддержала «первую в мире социалистическую республику»⁴¹. Как писала «El Socialista» в апреле 1918 г., важнейшее событие во всемирной истории — это провозглашение РСФСР: «Все думали, что социализм — это утопия, но вот мы видим, что в России он становится реальностью»⁴².

Чилийские левые считали и Керенского, и Ленина своими соратниками, социалистами. Однако Керенский оказался не достоин поддержки, ибо пошел на сговор с буржуазией. Главное — это решительный натиск на принципы собственности: «Первый акт Ленина — экспроприация земли и ее раздел между крестьянами, что было вековой мечтой крестьянства. Затем

большевики отменили собственность, одним росчерком пера отменили систему, господствующую столько столетий. Ленин прокладывает новые пути человечеству... И даже буржуа будет сам работать и не гореть со стыда, что ест чужой хлеб, заработанный другими людьми»⁴³. Чилийские социалисты и их союзники демократы рассматривали социализм в русле мирной трансформации, и бескровный приход к власти большевиков в октябре 1917 г. был для них примером для подражания. На тот момент острая классовая борьба, лежавшая в основе доктрины большевиков, не воспринималась чилийцам во всей ее беспощадности и неизбежности насилия и жестокости.

В октябре 1918 г. газета «El Socialista» называла приход к власти большевиков «ярким светом будущего», указывающим путь человечества к социализму. Социалисты представляли апологетическую картину большевистской революции как «победу самых высоких идеалов социальной справедливости, идеалов улучшения жизни всех угнетенных на земле»⁴⁴. При всем при этом следует отметить, что не все статьи в газетах социалистов были наполнены лишь лозунгами и призывами к поддержке и солидарности. Внимательно анализировались трудности, с которыми сталкивались русские «максималисты», и наибольшая опасность для революции виделась в национальном вопросе, в угрозе развала страны на множество автономий и самостоятельных государств, что могло подорвать социалистический дух перемен⁴⁵. Тогда до будущих чилийских коммунистов не дошли базовые догматы большевизма, среди которых важное место занимали как интернационализм, так и право наций на самоопределение⁴⁶. Однако при этом, в отличие от своих аргентинских товарищей, чилийские социалисты однозначно поддерживали все, даже такие недемократические и непопулярные в среде левой интеллигенции акты большевиков, как, например, разгон Учредительного собрания, где большинство принадлежало социалистическим партиям⁴⁷.

Единодушно приняв большевистскую революцию, чилийские социалисты открывали новую страницу в своей истории. Их следующим шагом было присоединение к Коминтерну и изменение названия партии на коммунистическую в 1920 г. После победы большевиков в Гражданской войне чилийские левые были вполне убеждены, что теперь мировая социальная революция неизбежна: «Очень скоро над всеми народами, как сегодня над социалистической Россией, будет веять красное знамя, и все народы объединятся в единой родине, отвергнув буржуазное представление о родине и о границах»⁴⁸.

Отдельные группы социалистов стали создавать в чилийской провинции центры культуры и пропаганды, например, центр «Искра» (г. Талькауано), который издавал одноименную газету. Само его название, по утверждению местных активистов, было заимствовано у первых русских социал-демократов. Центр проводил мероприятия, а газета публиковала материалы о российской революции, перепечатывала статьи из европейской коммунистической прессы, например, из немецкой газеты «Rote Fahne»⁴⁹.

Газеты POS, а таких по всей стране было немало, подробно описывали русский опыт, причем помимо прочего из него всегда извлекались такие особенности, которые более всего подходили к повестке дня самих чилийских социалистов. Большая редакционная статья в «La Vanguardia» (г. Вальпараисо) в 1919 г. уделила значительное внимание роли фабричных заводских комитетов в организации производства и распределения после Ок-

тября. Газета подчеркивала, что большевики не сразу пошли на обобществление всей собственности, а в первую очередь передали управление производством этим органам рабочего класса⁵⁰. Чилийские социалисты видели в этом ценный опыт и оправдание своей «синдикалистской» позиции: в процессе революции проблема собственности не является главной, этим можно заняться и потом, а первостепенным был контроль рабочих организаций за производством.

Либеральные издания первоначально с симпатией относились к революции в России, считая ее первопричиной царскую деспотию, неумелое ведение войны и беспомощность правительства. Так журнал «*Sucesos*» (г. Вальпараисо) писал, что у революции были три побудительные причины: «Первое — это революция свободы против самодержавия; второе — это революция национализма против предательства в войне; третье — это революция против некомпетентности властей». И автор статьи добавлял: «Явление этой революции как рабочей также вызвано политикой самодержавия»⁵¹.

Либеральная интеллигенция живо обсуждала события в России в литературных салонах. Россия там всегда была популярной темой — русская литература, Лев Толстой, Максим Горький были среди самых читаемых писателей. Одним из салонов в парижском стиле был дом Марии Луисы Фернандес — матери в будущем именитого и признанного поэта Висенте Уидобро (1893—1948), симпатизировавшего коммунизму. Там принимали цвет интеллектуального общества Сантьяго. В письме к сыну, находившемуся в 20-е годы в Европе, она писала: «Россия! Россия приносит жертву, пытается освободиться от религии, наполняет ужасом Европу трудом своего народа, который как никто в истории пережил годы рабства и жертвенности. Европа стала бесчувственной и глупой, отказываясь понимать, что в России идет социальная революция... Они закрывают от нее свои границы и ждут, когда Красная армия будет столь сильна, что сметет их старый континент»⁵².

Тем не менее, появление местных поклонников целей и методов русских «максималистов» сразу же превратило как консерваторов, так и либералов в активных и страстных противников российской революции, отныне уже воспринимавшейся в Чили как реальная угроза. Та же мать Уидобро, как представительница либеральных кругов, много раз спрашивала своего сына: разве Россия теперь является «моделью свободы и человеческого достоинства?»⁵³. Мария Луиса упрекала Висенте в том, что «он сошел с ума с этими русскими» (Уидобро был так захвачен русской революцией, что даже своего сына назвал Влади-

Висенте Уидобро

Артуго Алессандри Пальма

миром в честь Ленина⁵⁴), которые, теперь уже ясно всем, являются, если уж и «святыми», то только в «царстве Сатаны»⁵⁵.

Правая пресса оценивала большевистский режим как деспотию, от которой больше всего страдают именно народные классы, пролетариат, который якобы находится там у власти. «El Mercurio» вслед за другими изданиями отмечала, что на место жестокой диктатуры пришли пустые и вредные мечтатели, которые позвали народы в «рай небесный», а на деле увлекали их за собой в «общую могилу»⁵⁶. Правая пресса перепечатывала свидетельства очевидцев о русской революции: «Мы живем в страшное время. Злобная банда Ленина, Троцкого & Ко правит при помощи террора. В Петрограде и здесь (имеется в виду Моск-

ва) преследуется всякий, кто принадлежит к буржуазному классу. Никто не осмеливается носить ни воротнички, ни галстуки»⁵⁷.

Клерикалы и консерваторы (газета «El Diario Ilustrado») подхватили тезисы белогвардейцев и черносотенцев, обвиняя во всех российских несчастьях «евреев, мечтающих о захвате власти во всем мире», ибо марксизм — это их новая религиозная система⁵⁸. Писали, что все большевики — евреи, а подлинная фамилия Ленина — Цедерблюм и прочее в том же духе. Между большевиками и евреями ставился знак равенства, а сама революция объявлялась продуктом мирового еврейского заговора⁵⁹. К этим тезисам добавлялась тема об империалистической экспансии русского «максимализма» в Европу, где в Германии и Венгрии некоторое время существовали советские республики⁶⁰. Экспорт революции из России был самым страшным видением для чилийских консерваторов, чувствовавших угрозу со стороны местных радикальных политических сил.

И пусть бы этот эксперимент ограничивался Россией, но чилийских консерваторов беспокоил тот факт, что цель Ленина и «максималистов» — вооружить всех трудящихся мира против их угнетателей и капиталистов⁶¹. После окончательного и однозначного заявления социалистов о присоединении к делу III Интернационала в прессе прошла лавина публикаций, не только живописующих «ужасы» атеистического и анархистского режима в России, но и направлявших острие критики уже против местных «максималистов», POS, вскоре ставшей коммунистической⁶².

К 1920 г. тема революции в России стала фактором предвыборной кампании, в которой выступал «народный кандидат», реформатор и популист, представитель Либерального альянса (Alianza Liberal) Артуго Алессандри Пальма. В марте 1918 г. на выборах в конгресс Либеральный альянс, в который входили Либеральная и Радикальная партии (Partido Liberal, Partido

Radical), завоевал большинство мест в палате депутатов. Это позволило альянсу создать правительство, во главе которого встал известный сторонник кардинальных реформ А.Алессандри. Его кабинет ставил задачу принятия трудового и социального законодательства, отделение церкви от государства, введение гражданского брака и т.д. Правда, конгресс отказался рассматривать проекты законов о регулировании трудовых отношений и проводить другие реформы, да и сам кабинет просуществовал пару месяцев. Но уже в 1920 г. эти реформаторские силы небезуспешно боролись за пост президента страны⁶³.

Под влиянием радикализации рабочего движения коалиция во главе с Алессандри обещала, что будет «рассматривать социальные вопросы с тем, чтобы власть, в соответствии с требованиями времени, приняла социальное законодательство, основанное на солидарности и справедливости, что должно будет принести благополучие рабочему классу, приведет к гармонии труда и капитала»⁶⁴. В дискурсе консервативного Национального союза, противостоящего Алессандри, преобладала антикоммунистическая пропаганда, а последний представлялся как социалист и атеист⁶⁵. Причина этого состояла в том, что именно Алессандри называл «социальный вопрос», столь радикально решенный в советской России, наиважнейшим для чилийской политики. Так, тема русской революции превратилась в одну из центральных во внутривнутриполитической борьбе в Чили⁶⁶. Надо признать, что это явление было подготовлено обширной дискуссией в чилийской прессе в предыдущий период.

Именно в таких странах, как Чили (также в Аргентине, Уругвае или Бразилии), где так называемый социальный вопрос приобрел наибольшую остроту в первые десятилетия XX в., став одним из главных в национальной политической повестке дня, революция в России превратилась в важнейшую тему внутренней политики, ибо для одних она была примером решения этого вопроса и образцом для подражания, для других — актуальным, но неудачным опытом, в то время как для мейнстримовских политических сил революция в России была величайшей всемирной угрозой и почти апокалипсисом. Российские события не только привели к формированию политических сил, объединившихся вокруг социалистов, создавших вскоре чилийскую коммунистическую партию, но и стали катализатором эволюции влево части либерального истеблишмента во главе с Алессандри, который пришел к власти в 1920 г. Он поставил перед собой задачу реформистского решения того самого «социального вопроса» путем принятия законодательства, защищавшего права рабочего класса во избежание революции.

Октябрьская революция в России оказала огромное влияние на чилийскую политическую культуру в целом. Она сориентировала сильные левые и синдикалистские традиции в идейное и политическое русло, определяемое мировым коммунистическим движением с центром в Советской России. В результате весь оставшийся XX в. в Чили проходил под «знаменем» коммунистических и социалистических идей.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ E. H o b s b a w m. Historia del siglo XX. 1914–1991. Barcelona, Crítica, 1995, p. 63.

² ¡Adelante! Talcahuano, No. 79, 5.XII.1917. p. 2.

- ³ M.G ó n g o r a. Ensayo histórico sobre la noción de Estado en Chile en los siglos XIX y XX. Santiago de Chile, ediciones la Ciudad, 1970, p. 47.
- ⁴ La Evolución. Valparaíso, no.6, VII.1917.
- ⁵ Verba Roja. Valparaíso, 10.X.1919, p. 2.
- ⁶ El Surco. Iquique, 15.X. de 1918, p. 1.
- ⁷ Verba Roja. 01 de febrero de 1920, p. 1.
- ⁸ Verba Roja. I.1920, p. 2.
- ⁹ J.F.E s t e n s s o r o S a a v e d r a. La temprana valoración de la revolución bolchevique en Chile. Tesis. Santiago, Universidad de Chile, 1992, p. 48–49.
- ¹⁰ A.L.D o e s w i j k. Los anarco-bolcheviques rioplatenses (1917—1930). Buenos Aires, Cedinci, 2013.
- ¹¹ Verba Roja. Santiago, no.12, VI.1919, p. 2.
- ¹² X.Ф.Э с т е н с с о р о С а а в е д р а. Тема русской революции на президентских выборах 1920 г. — Латиноамериканский исторический альманах, № 8, 2008, с. 142. [J.F.Estenssoro Saavedra. Tema ruskoy revolyutsii na presidetskikh vyborah 1920 g. [Theme of the Russian revolution during the president election of 1920]. Latinoamerikanskiy istoricheskiy almanakh, no.8, 2008, p. 142.]
- ¹³ R.M a l l a f e, A.R e b o l l e d o, M.C á r d e n a s. Historia de la Universidad de Chile. Santiago, Universidad de Chile, 1992, p. 149–150.
- ¹⁴ Historia de América Latina. Tomo 12. Barcelona, Crítica, 1997, p. 77.
- ¹⁵ Verba Roja. I.1920, p. 2.
- ¹⁶ Cuasimodo. Magazine interamericano. Panamá, Tomo IV, No.12, VIII.1920, p. 70.
- ¹⁷ Alberto Rojas Jiménez se paseaba por el alma. Santiago de Chile, DIBAM, 1994, p. 81–84.
- ¹⁸ M.G ó n g o r a. Op. cit., p. 52.
- ¹⁹ Claridad. Santiago, 12.X.1920.
- ²⁰ Chispa. Talcahuano, No. 1, III.1921, p. 3-4.
- ²¹ Chispa, 10.VII.1921, p. 3.
- ²² О.У л ь я н о в а, К. Н о р а м б у э н а. Русские в Чили. Santiago, USACH, 2009, с. 118–120. [O.Ulianova, C.Norambuena. Russkiye v Chili] [Russians in Chile]. Santiago, USACH, 2009, p. 118–120.
- ²³ Sucesos. Valparaíso, No. 763, 10.V.1917.
- ²⁴ L.E.R e c a b a r r e n. Escritos de Prensa, 1898–1924. Santiago de Chuile, Ariadna, 2015, p. 521.
- ²⁵ El Socialista, 8.III.1917, p. 2.
- ²⁶ ;Adelante! No. 60, 08.XI.1917, p. 2.
- ²⁷ La Aurora. Taltal, No. 73, 1.VI.1917, p. 1.
- ²⁸ Э.Л а ф е р т е Жизнь коммуниста. М., Изд. Политической литературы, 1961, с. 111-112. [E.Laferfte. Zhizn' comunista] [The life of communist]. Moscow, Politicheskaya literatura, 1961, p. 111-112.
- ²⁹ El Socialista, No. 96, 22.III.1917, p. 1.
- ³⁰ ;Adelante! No.2, 02.VI.1917, p. 1.
- ³¹ El Socialista, No. 115, 10.XI.1917, p. 3.
- ³² ;Adelante! No. 79, 05.XII.1917, p. 2.
- ³³ Ibid., No. 96, 21.I.1918; No. 97, 22.I.1918; No. 98, 23.I.1918; No.99, 24.I.1918; No. 102, 28.I.1918; No. 103, 29.I.1918; No. 109, 05.II.1918.
- ³⁴ La Bandera Roja. Santiago, No. 7, 17.V.1919.
- ³⁵ A. S a l g a d o. Antroponimia leninista: la adopción de un referente revolucionario en Santiago de Chile, 1917–1973. — Redes políticas y militancias. La Historia política está de vuelta. edit. Olga Ulianova. Santiago de Chile, Ariadna, s.d., p. 78–79.
- ³⁶ L.E.R e c a b a r r e n. Op.cit., p. 548.
- ³⁷ S.G r e z T o s o. Historia del Comunismo en Chile. La era de Recabarren (1912–1924). Santiago de Chile, LOM, 2011, p. 153.
- ³⁸ L.E.R e c a b a r r e n. Op.cit., p. 548–549.
- ³⁹ Ibid., p. 549–550.
- ⁴⁰ Ibid., p. 552.
- ⁴¹ S.G r e z T o s o. Op.cit., p. 155.
- ⁴² El Socialista, No. 125, 18.IV.1918, p. 4.
- ⁴³ ;Adelante! No. 79, 05.XII.1917, p. 2.
- ⁴⁴ J.F.E s t e n s s o r o S a a v e d r a. Op. cit., p. 44–45.

- ⁴⁵ El Socialista, No. 126, 20.IV.1918, p. 2.
- ⁴⁶ Э.Р а м и р е с Н е к о ч е а. Зарождение и развитие коммунистической партии Чили. М., Прогресс, 1984, с. 53. [H. Ramirez Necochea. Zarozhdeniye I rzvitiye kommunisticheskoy partii Chili] [The origin and the development of the Communist Party of Chile]. Moscow, Progress, 1984, p. 53.
- ⁴⁷ ¡Adelante! No. 96, 21.I.1918, p. 1.
- ⁴⁸ La Vanguardia. Valparaíso, No. 22, 4.XII.1919, p. 2-3.
- ⁴⁹ Chispa. Talcahuano, No. 1, III,1921, p. 2-3.
- ⁵⁰ La Vanguardia, No. 13, 1.XI.1919, p.1.
- ⁵¹ Sucesos. Valparaíso. No. 768, 14.VI.1917.
- ⁵² Vicente Huidobro — María Luisa Fernández. Epistolario. Santiago, DIBAM, 1997, p. 118.
- ⁵³ Ibid., p. 123.
- ⁵⁴ A. S a l g a d o. Op. cit., p. 72.
- ⁵⁵ Vicente Huidobro — María Luisa Fernández. Epistolario, p. 144.
- ⁵⁶ J.F.E st e n s s o r o S a a v e d r a. Op. cit., p. 35.
- ⁵⁷ X.Ф.Э ст е н с с о р о С а а в е д р а. Op. cit., p. 134.
- ⁵⁸ El Diario Ilustrado. Santiago de Chile, 18.I.1919.
- ⁵⁹ J.F.E st e n s s o r o S a a v e d r a. Op.cit., p. 38–41.
- ⁶⁰ X.Ф.Э ст е н с с о р о С а а в е д р а. Op. cit., p. 136.
- ⁶¹ El Diario Ilustrado, 7.XII.1919.
- ⁶² El Mercurio, 7.XI.1919.
- ⁶³ Е.Ю.Б о г у ш, А.А. Щ е л ч к о в. Политическая история Чили. М., Высшая школа, 2009, с. 21–23. [E.Yu.Bogush, A.A. Schelchkov. Politicheskaya istoriya Chili] [Political history of Chile], Moscow, Vysshaya shkola, 2009, с.21–23.
- ⁶⁴ R.Д о н о с о. Alessandri. Agitador y demoleedor. Cincuenta años de historia política de Chile. México, FCE, 1952, p. 220.
- ⁶⁵ X.Ф.Э ст е н с с о р о С а а в е д р а. Op. cit., p. 144-148.
- ⁶⁶ Ibid., p. 132-161.

Andrey A. Schelchkov (sch2000@mail.ru)

Doctor in History Studies, investigator of Institute of World History, Russian Academy of Science.

The Russian revolution and the Chilean public opinion

Abstract: The Russian revolution in Latin America, particularly in Chile, has become a factor in domestic politics, had a huge impact on the society, the formation of political parties. In Chile this influence in a historical perspective resulted in the emergence of a powerful Socialist and Communist movements. Studying the national press traces the changing reception of the Russian revolution in Chilean society, from neutral-positive in almost all political groups to sharp demarcation on the basis of accepting or rejecting the Soviet historical experience and the Bolshevik methods.

Key words: Russian Revolution, Chile, socialist, anarchist, L.E.Recabarren